

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Зарницы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Зарницы / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
186 с.

ISBN 978-5-519-95177-7

Содержание. Ак-Базат; На вольном воздухе; Кара-ханым; Зимовье на Студеной; Отъезд;
Последняя треба; Жид; Сочельник; Исповедь

ISBN 978-5-519-95177-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пожаловались на него бію и представили свои счета. Вызвалъ бій молодого Бухарбая на судъ и спрашиваетъ:

— Признаешь ты свой долгъ?

— Признаю.

— А если признаешь, такъ нужно платить.

— У меня ничего нѣтъ.

Сѣдобородные казы (судьи) посовѣтовались между собой и рѣшили продать все имущество Бухарбая. Конечно, жалъ молодого человѣка, а дѣлать нечего. Бій тоже жалѣлъ и тоже ничего не могъ подѣлать: глупости трудно поправлять.

Пришли казы къ Бухарбаю и начали продавать отцовское добро. Главными покупателями явились тѣ же заимодавцы, какъ богатые люди. Долго наживалъ отецъ Бухарбая свое богатство, а разлетѣлось оно дымомъ въ одинъ день. Одинъ взялъ барановъ, другой кибитку, третій и четвертый подѣлили между собою косякъ лошадей. Какъ при всѣхъ распродажахъ, имущество шло за безцѣнокъ. Заимодавцы такъ и рвали дешевый товаръ и даже перессорились между собой. Каждому хотѣлось захватить побольше.

— Что же у меня останется? — спрашивалъ Бухарбай судей.

— У тебя есть двѣ здоровыхъ руки. Раньше ты былъ молодъ и глупъ, а теперь будешь уменъ поневолѣ... Пророкъ не даромъ сказалъ: „Эль факру факри“ *).

Повѣсилъ голову молодой Бухарбай. Жалъ отцовскаго добра... Но онъ не спорилъ: и бій, и казы были справедливы. Но только, когда дѣло дошло до послѣдняго жеребенка бѣлой масти, онъ вступился. Это былъ рѣдкой породы жеребенокъ, старинной крози, и отецъ больше всего имъ дорожилъ. Заимодавцы тоже знали толкъ въ лошади и такъ и вцѣпились въ жеребенка. — каждый хотѣлъ его взять себѣ.

*) „Бѣдность—моя гордость“.

— Нѣтъ, жеребенка я вамъ не отдамъ!—заявилъ Бухарбай.—Вы все взяли, и я молчалъ, а жеребенка не отдамъ.

Пошли всѣ на судъ къ бію. Онъ внимательно выслушалъ всѣхъ и сказалъ:

— Заимодавцы, вы получили больше, чѣмъ давали, и хотите отнять у человѣка послѣднее... Какой же киргизъ безъ лошади? Нужно имѣть совѣсть...

Бухарбай стоялъ и плакалъ. Ему было совѣстно за свою собственную глупость, которая довела его до такого позора. Бію сдѣлалось его жаль, и онъ рѣшилъ, что бѣлый жеребенокъ останется у него.

— Помни, что онъ рожденъ отъ кости Исэкъ-Кырганъ (Вечерняя зарница),—наставительно говорилъ біи молодому человѣку,—той знаменитой Исэкъ-Кырганъ, которую не могла обойти на скачкахъ ни одна лошадь въ степи. Береги жеребенка, какъ зѣницу ока, — онъ стоитъ всего твоего имущества...

Поблагодарилъ Бухарбай милостиваго бія и еще разъ заплакалъ, но уже отъ радости. У него оставалась еще надежда... Заимодавцы готовы были отнять у него и степь, и небо, еслибъ только зависѣло отъ нихъ.

II.

Ничего не оставалось у Бухарбая, кромѣ молодого стыда старой матери. Старуха плакала потихоньку, чтобы напрасно не огорчать и безъ того несчастнаго сына, и только сказала:

— Аллахъ даетъ и богатство, и бѣдность. Не нужно отчаиваться... Ты еще молодъ и можешь исправиться... Мой послѣдній совѣтъ тебѣ: уходи изъ нашего аула, какъ можно дальше. Нехорошо оставаться байгушемъ (нищимъ) тамъ, гдѣ всѣ знали тебя богатымъ. Вотъ тебѣ мой послѣдній со-

вѣтъ, Бухарбай. А я уйду жить къ твоей сестрѣ. Зять—хорошій человѣкъ и не прогонитъ старуху...

Еще разъ сдѣлалось совѣстно Бухарбаю, что онъ не можетъ прокормить даже родную мать. Приходилось дорого платиться за молодую глупость...

— Еще тебѣ совѣтъ, Бухарбай,—говорила мать на прощанье:—никто не знаетъ, чего стоитъ твой жеребенокъ. Онъ рѣдкой крови... Береги его и не бери за него ничего, что бы тебѣ ни предлагали. Это будетъ не лошадь, а степной вѣтеръ, стрѣла, пущенная изъ лука... Отецъ назвалъ его Акъ-Бозатъ *).

Молча поклонился въ ноги Бухарбай матери. Изъ всѣхъ людей только она одна желала ему добра.

Изъ своего аула онъ ушелъ темной ночью, чтобы никто не видалъ его послѣдняго позора и послѣднихъ слезъ. Онъ шелъ пѣшкомъ и велъ за собой въ поводу бѣлаго жеребенка. Это была маленькая кобыла, изъ благородной породы „бѣло-рожденных“. Отъ всѣхъ остальныхъ родичей своей крови она отличалась тѣмъ, что имѣла на лбу черную звѣзду, почему отецъ и назвалъ ее звѣздой. Синимъ шаромъ опрокинулось надъ головой Бухарбая глубокое небо, расшитое золотымъ узоромъ звѣздъ; безъ конца стелется передъ нимъ степь, точно коверъ, и думаетъ Бухарбай: неужели онъ нигдѣ не найдетъ себѣ уголка, чтобы жить.

Идетъ Бухарбай недѣлю, идетъ другую, идетъ третью. Прошелъ много ауловъ. Здѣсь уже никто не зналъ его, и сдѣлалось Бухарбаю легче. Молодость скоро переживаетъ свое горе. Нанялся Бухарбай въ простые пастухи къ богатому киргизу, Цацгаю, и выговорилъ себѣ только одно, чтобы его жеребенокъ пасся вмѣстѣ съ другими лошадьми.

— Пусть себѣ пасется,—согласился Цацгай.—Степь ве-

*) Акъ-Бозатъ—звѣзда.

лика, всѣмъ мѣста хватить... Только жеребенокъ-то дрянной. Ноги у него очень тонкія...

А Бухарбай молчитъ. Цацгай не знаетъ толка въ лоша-
дяхъ. Акъ-Бозатъ заморилась длинной дорогой и дѣйстви-
тельно имѣла такой жалкій видъ. А Цацгай сообразилъ про
себя, что когда кобылка подрастетъ, то молодой пастухъ бу-

детъ ѣздить на своей лошади. Всякій свою выгоду соблю-
дать.

Аулъ былъ большой; у Цацгая ходило въ степи три ко-
сяка лошадей, и Бухарбай былъ радъ, когда его отправили па-
стухомъ. Это былъ первый хлѣбъ, заработанный собственными
руками. Цѣлые дни теперь Бухарбай проводилъ верхомъ на
лошади, сберегая косякъ, и хорошо узналъ, какъ дорого до-

стается свой хлѣбъ. Цацгай былъ скупъ и давалъ своимъ пастухамъ столько, сколько было нужно, чтобы не умереть съ голода. Пастухи за глаза постоянно ругали скупого хозяина, а въ глаза старались выслужиться,—такъ дѣлаютъ почти всѣ бѣдные люди, которые отъ нищеты потеряли даже чувство собственного достоинства.

Работа пастушья не трудная, да только тѣмъ нехороша, что нѣтъ ни днемъ, ни ночью покоя. Пастухи спали однимъ глазомъ. Бухарбай скоро освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ пастуховъ, кончая бѣлой войлочной шляпой и рванымъ бешметомъ. Онъ не ропталъ на судьбу и утѣшался тѣмъ, что у него была Акъ-Бозать. У другихъ и этого не было. Пастухи смѣялись, какъ Бухарбай ухаживалъ за своей бѣлой кобылкой, а Цацгай могъ только удивляться. Бухарбай часто ее купалъ, расчесывалъ и заплеталъ гриву и потихонку начиналъ приучать ее къ бѣгу. Акъ-Бозать ходила за хозяиномъ, какъ собака и слушалась его голоса. Бухарбай даже разговаривалъ съ ней, какъ съ человѣкомъ.

— Никто насъ не знаетъ здѣсь, Акъ-Бозать... Это хорошо. Много глупостей надѣлалъ твой хозяинъ... Ну, ничего, поправимся.

Только напрасно думалъ Бухарбай, что никто его не замѣчаетъ. У Цыцгая была дочь-невѣста, красавица Мэчить. Дѣвушки любятъ иногда примѣчать и то, что имъ не слѣдуетъ. Такъ и Мэчить,—какъ погонять лошадей, такъ и смотреть на новаго пастуха. Ей казалось, что онъ ѣздитъ совсѣмъ не такъ, какъ другіе. Киргизскія дѣвушки смѣлыя, и ходятъ безъ покрывала. Разъ она встрѣтила Бухарбай и сказала:

— Пастухъ, покажи свои руки...

Бухарбай смутился, но не смѣлъ послушаться. Дѣвушка внимательно посмотрѣла на его руки, лукаво заглянула въ глаза и проговорила:

— Ты не простой пастухъ, Бухарбай... У тебя еще недавно были руки нѣжныя, какъ у женщины. И когда ѣдишь на конѣ, тоже замѣтно...

— Да, не простой,—уже смѣло отвѣтилъ Бухарбай.— Мнѣ принадлежитъ и вся степь, и все небо... По степи я ѣзжу, а на небо смотрю цѣлыя ночи, и никто мнѣ не мѣшаетъ.

— Нечего сказать, богатство громадное,—засмѣялась Мэчить.— Только съ кѣмъ ты его будешь дѣлить?

— У меня никого нѣтъ...

— А дѣвушка, которая тебя любитъ?

— Бѣдныхъ пастуховъ дѣвушки не любятъ... Впрочемъ, я люблю свою Акъ-Бозать.

— Лошадь? Ха-ха... Какой ты скрытный. Ну, увидимъ...

Началъ замѣчать Бухарбай, что Мэчить каждый разъ такъ внимательно смотритъ на него. Посмотритъ и засмѣется. Это его даже начинало сердить. Чему она смѣется? Сталъ и самъ Бухарбай поглядывать на хозяйскую дочь, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше она ему нравилась. Молодое сердце льнуло къ молодому сердцу безъ словъ.

— Будь умнымъ, Бухарбай,—читалъ онъ самому себѣ наставленіе.— Довольно глупостей... Цацгай одного калыму потребуетъ за дочь не меньше ста рублей, да еще въ придачу барановъ триста. Не будь смѣшнымъ, Бухарбай!.. Не тебѣ, несчастному байгушу, думать о хорошенькихъ дѣвушкахъ.

Когда по вечерамъ становилось грустно, Бухарбай присаживался къ огоньку и пѣлъ пѣсню, которую складывалъ тутъ же:

У дѣвушекъ смѣхъ на умѣ,

А молодцу горе...

Скоро вихремъ онъ въ степь улетитъ на конѣ,

А она заплачетъ въ невоѣ.

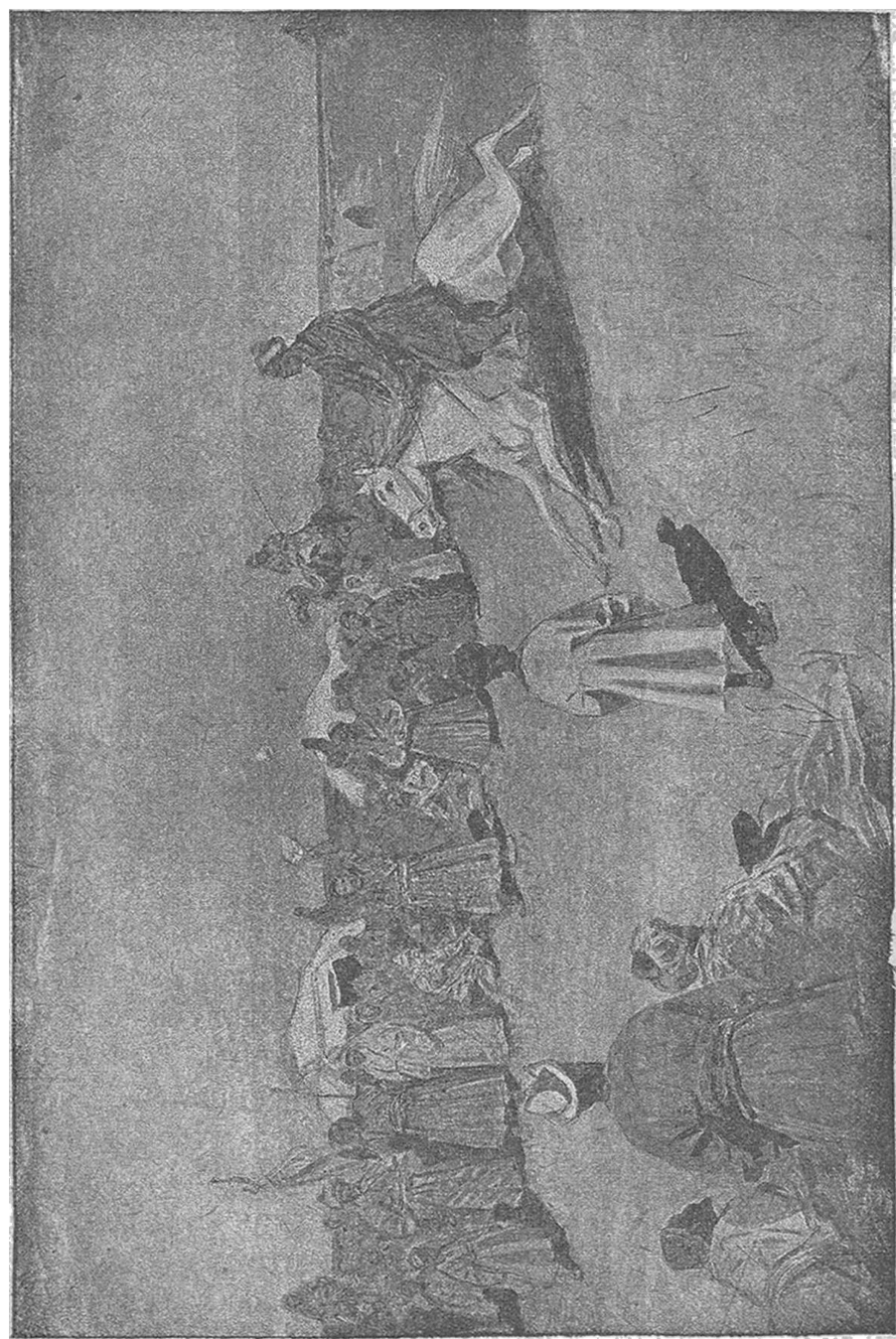
III.

Такъ прошло три года, длинныхъ три года. Три раза степь покрывалась весенними цвѣтами, три раза выгорала степная трава отъ лѣтняго зноя, три раза степная зима засыпала все снѣгомъ. Трудно приходилось пастухамъ въ теченіе зимы, особенно, когда поднимался буранъ. Нѣсколько разъ Бухарбай чуть не замерзъ, но терпѣливо перенесъ все, потому что бѣдные люди не должны роптать на свою судьбу. Загрубѣли у него ноги, какъ у настоящаго пастуха, зацвѣтило лицо, и Мэчитъ не обращала больше на него вниманія. Но онъ былъ счастливъ, онъ, — Бухарбай, потому что выросла его Акъ-Бозать. Совсѣмъ большая лошадь стала, и какая умная! Съ какимъ терпѣніемъ училъ онъ ее, выдерживая ходъ. Другіе пастухи опять смѣялись надъ чудачкомъ, который ухаживаетъ за лошадыю, какъ за невѣстой. А лошадь была чудная — длинная, на высокихъ ногахъ, съ маленькой головой и длинной гривой. Когда Бухарбай въ первый разъ поѣхалъ на ней верхомъ, у него сердце дрогнуло отъ радости: эта была не лошадь, а вѣтеръ.

— „Пусть еще годикъ подрастетъ Акъ-Бозать, — думалъ Бухарбай, — а тамъ я поступлю проводникомъ къ купеческимъ караванамъ... И работа легкая, и жизнь привольная, и все будетъ хорошо. Терпи, Бухарбай, не долго осталось ждать“.

Мысль объ отъѣздѣ давно засѣла въ голову Бухарбая, и онъ ее вынашивалъ потихоньку отъ всѣхъ. Только одно удерживало его: онъ уѣдетъ, а Мэчитъ останется. Да, она забыла его, но онъ не забылъ этихъ горячихъ, темныхъ глазъ, этого дѣвичьяго смѣха, это гордое лицо степной красавицы. Онъ дрожалъ при одной мысли, что это лицо засмѣется другому, и другой уведетъ ее въ свою кибитку.

Много было жениховъ у Мэчитъ. Далеко изъ степи привѣзжали они, но старый Цацгай дорожилъ, и самъ не зналъ,

какой калымъ просить за красавицу-дочь. Но время подходило такое, что приходилось разставаться: дѣвичій вѣкъ короткій. Думаль-думаль Цацгай, котораго жениха выбрать, и опять не могъ рѣшиться. Всѣ хороши, и всѣмъ жаль отдать красавицу Мэчить. Тогда старикъ придумалъ устроить байгу *) для жениховъ: кто придетъ первымъ, тому Аллахъ и судилъ Мэчить взять женой. И женихи были довольны такимъ рѣшеніемъ, потому что каждый надѣялся на свою лошадь. А лошади у всѣхъ были отличныя. Чтобы подзадорить жениховъ, Цацгай объявилъ открыто:

— Мнѣ все равно, кто ни обгонитъ... Простой пастухъ—его и Мэчить. Какъ хочетъ Аллахъ, такъ и будетъ...

Слухъ о этой байгѣ облетѣлъ всю степь, и о ней говорили. Много батырей въ степи, и каждый думалъ отбить красавицу Мэчить у ея жениховъ.

Наконецъ, объявленъ былъ и день. Въ аулъ Цацгая съѣхались со всѣхъ сторонъ. Вся степь покрылась народомъ. Брели старый и малый, чтобы посмотрѣть невиданное зрѣлище. Кто-то выиграетъ красавицу Мэчить? кому Аллахъ пошлетъ рѣдкое счастье? Въ полѣ была раскинута зеленая бухарская палатка, въ которой собрались киргизскіе старшины изъ разныхъ ауловъ, казы, и даже пріѣхалъ самъ бій. Простой народъ усыпалъ все поле. Выѣхали скоро на чудныхъ коняхъ женихи Мэчить и много простыхъ джигитовъ, а послѣднимъ выѣхалъ Бухарбай на своей Акъ-Бозать.

— Кто на бѣлой лошади?—спрашивали всѣ.

— Это мой пастухъ,—неохотно отвѣчалъ Цацгай, обиженный тѣмъ, что простой пастухъ хочетъ спорить съ женихами.—Только лошадь напрасно заморить...

Всѣ наѣзтники выровнялись предъ палаткой въ одну линію, и бій подалъ знакъ. Джигиты понеслись, а позади всѣхъ

*) Байга—скачка.

поѣхалъ Бухарбай. Онъ долго не рѣшался принять участіе въ байгѣ, потому что Акъ-Бозать была еще молода. Благо-разуміе говорило, что не нужно этого дѣлать, но молодая гордость перевѣсила. Недалеко отъ главной палатки стояла другая, въ которой собрались женщины, и Бухарбай видѣлъ среди нихъ красавицу Мэчитъ. Она весело позваникала золотыми монетами, которыми была у нея покрыта вся грудь, и еще веселѣе улыбнулась, когда увидала Бухарбая на его бѣлой лошади. Чѣмъ больше жениховъ, тѣмъ сильнѣе поднималась гордость красавицы.

Байга шла на двадцать пять верстъ—впередъ одна половина, а другая половина обратно. Хороши были кони у жениховъ, и далеко они унеслись впередъ. На первой половинѣ уже простые джигиты начали отставать. Бухарбай сдерживалъ горячившуюся Акъ-Бозать и чувствовалъ, что въ ней еще много силы. Только на обратномъ концѣ онъ постепенно началъ давать волю благородному животному, и Акъ-Бозать понеслась, все усиливая скорость. О, какъ она оставляла одного соперника за другимъ!.. Простые джигиты уже были всѣ позади, а впереди летѣли только трое жениховъ. Особенно далеко ушелъ одинъ на золотистомъ текинскомъ скакунѣ. Акъ-Бозать все прибавляла ходу и оставила двухъ жениховъ, остался впереди одинъ. Бухарбай чувствовалъ, какъ подъ нимъ точно летѣла земля, а вдали уже пестрѣла толпа народа, и зелеными точками выдѣлялись палатки. Началась борьба между текинскимъ скакуномъ и Акъ-Бозать. Вотъ уже Акъ-Бозать совсѣмъ настигаетъ, и Бухарбай слышитъ, какъ тяжело дышитъ жениховскій скакунъ. Вотъ они уже скачутъ голова въ голову... Замерло сердце у Бухарбая: оставалось всего двѣ версты. Трудно бороться съ текинскимъ скакуномъ, но онъ потрепалъ Акъ-Бозать по шеѣ, припалъ къ лукъ сѣдла, чтобы не связывать движеній лошади, и дико гикнулъ. Какъ стрѣла, пущенная изъ лука могучей рукой, понеслась Акъ-Бозать, какъ степной вихрь,